

RU

Феноменалистическое понимание ценностей

Павловский А. И.

Аннотация. Цель исследования – формулирование оснований феноменалистического понимания ценностей, выступающего перспективной альтернативой их эссенциалистическому истолкованию, недостаточно гибкому для изучения современных реалий. Научная новизна заключается в том, что впервые аффективная характеристика элемента картины мира трактуется именно как самостоятельное «значение», что позволяет интерпретировать ценности как специфические знаки и выстроить их иерархию в соответствии с внутренней логикой знаковой реальности. В результате удается ввести понятие о базовых ценностях картины мира, которые являются для нее устойчивыми, что дает возможность использовать их для сравнений культур.

EN

Phenomenological Understanding of Values

Pavlovskij A. I.

Abstract. The paper aims to reveal foundations for phenomenological understanding of values, a promising alternative to the essentialist approach, less flexible in studying modern realia. Scientific originality of the research lies in the fact that affective characteristic of a worldview element is for the first time considered as an autonomous “meaning”, which makes it possible to interpret values as special signs and to develop their hierarchy according to internal logic of digital reality. The research findings are as follows: the author introduces the notion “basic values of worldview”; these values are inherent to a particular worldview and can serve as a basis to compare cultures.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена проблематичностью истолкования аксиологического содержания современной культуры из-за того, что традиционное понимание ценностей достигается преимущественно посредством тех или иных эссенциалистских теорий, которые постулируют ту или иную форму автономного бытия ценностей, что в современных условиях утраты убедительности эссенциализмом как таковым не может нас удовлетворить. В современных условиях, когда социальные изменения происходят очень быстро, социальные и культурные границы становятся все более размытыми, а структуры общества и культуры все более сложными, эссенциализм оказывается слишком негибким механизмом, чтобы интерпретировать все это динамичное многообразие.

Так как самой явной альтернативой эссенциализма является феноменализм, то идея построить последовательно феноменалистическую теорию ценностей означает попытку посредством пересмотра онтологического статуса ценностей как таковых выйти из существующего теоретического тупика и получить действенный инструмент для феноменалистической интерпретации культуры, актуальной в современных условиях.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить состав реальности, с точки зрения феноменализма понимаемой как картина мира; во-вторых, выявить структуру этой реальности и ее связь с непознаваемой объективной реальностью; в-третьих, показать целостность картины мира и место в ней ценностей как знаков с аффективными значениями; в-четвертых, объяснить формирование иерархии ценностей на основании различия их ролей в картине мира.

Для понимания состава и структуры картины мира как единственной доступной человеческому пониманию реальности применяются следующие методы исследования: семиотический метод и герменевтический метод (для трактовки идей предшественников). Соотношение феноменалистической реальности с реальностью объективной трактуется посредством прагматического подхода, а системный подход применяется для исследования целостности картины мира и места в ней ценностей, упорядочивающихся в иерархию.

Теоретической базой исследования послужили идеи целого ряда концептуальных традиций: символической теории Э. Кассирера [7-10], гештальтпсихологии К. Коффки [11] и Р. Арнхейма [1], теории знаков Ч. Пирса [13], прагматической теории деятельности Ч. Пирса [12] и Д. Дьюи [5], структурной семантики А.-Ж. Греймаса [3].

Практическая значимость исследования заключается в том, что предпринимаемая в статье попытка феноменалистической интерпретации ценностей формирует методологические основания для построения современного аксиологического понимания культуры, которое, в свою очередь, может быть использовано для решения целого ряда проблем в области межкультурных коммуникаций, в том числе и в образовательной среде.

Состав реальности с точки зрения феноменализма

В рамках феноменализма, который исходит из кантовского сомнения в познаваемости вещи-в-себе [6, с. 58], то есть объективной реальности, не зависимой от нашего сознания, объектом онтологического рассмотрения может быть только реальность феноменальная, ибо только она может быть, вообще, объектом нашего познания. Но онтологическое рассмотрение феноменального не должно менять его статуса, то есть не должно сводить к каким-либо другим данностям. Иными словами, если феноменальное представляет собой сферу мыслимого, то, говоря об онтологическом его понимании, следует рассматривать его только как мыслимое, не сводя его бытие к бытию носителя этой мысли.

Поэтому феноменалистическая онтология представляет бытие в виде совокупности знаков, ибо все познаваемое бытие есть мысль, а мысль состоит из знаков. Так как знак всегда является заменителем другого объекта в процессах познания и коммуникации, то целесообразно классифицировать знаки по тому, на основании чего осуществляется эта замена, то есть какого рода связь связывает знак и обозначаемый им объект. Подобную классификацию осуществил Ч. Пирс: «Во-первых, *подобия*... или иконы... которые выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют *указатели*... или индексы... которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними... В-третьих, существуют *символы*, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями... благодаря привычке» [13, с. 89]. Эти виды знаков играют разную роль в структурировании сферы мыслимого, так как имеют разную способность значить. Наиболее широкой является эта способность у символов, так как они не ограничены ни похожестью, ни физической связью, но оборотной стороной этой потенциально безграничной способности является то, что, чтобы значить что-то, символ должен быть ограничен внутри самой нашей привычки аналогичными символами, объединяясь с ними в рамках единой системы, которую, например, Э. Кассирер назвал символической формой [8-10].

В модели Э. Кассирера разные символические формы, с одной стороны, рассматриваются как отдельные, а с другой стороны, им приписывается определенный универсализм, хотя тезис об одинаковости одной и той же символической формы в сознаниях разных индивидов сам по себе является спорным. Его можно вводить либо через признание универсальности эйдетического (как, например, у Э. Гуссерля), либо через введение понятия «трансцендентальный субъект», которое подобную универсальность, по сути, подразумевает, но ни один из этих вариантов не обеспечивает достаточную убедительность вывода. Возражения по этому поводу были хорошо сформулированы Г. Г. Шпетом [14].

Но если отказаться от подобной универсализации, то речь пойдет об исследованиях исключительно индивидуальных сфер мыслимого, для которых акцент неизбежно сместится с рассмотрения отдельных универсальных форм (так как они не универсальны) на рассмотрение взаимосвязи индивидуализированных в каждом сознании форм между собой, которая обусловлена тем, что одни и те же составляющие знака (обозначаемое или обозначающее) могут входить в разные символические формы, а следовательно, и подвергаться действию присущих этим формам логик.

Важный теоретический нюанс содержится в том, что по самому своему определению понятие «знак» отсылает нас к внезнаковой реальности, так как подразумевает наличие некоторого незнакового объекта, заменителем которого знак и является. Для такой символической формы, как язык, А.-Ж. Греймас предложил подход, который позволяет полностью отказаться от обращения к неязыковой реальности, рассматривая каждый символ языка состоящим из двух компонентов: означающего и означаемого [3, с. 13-15], а учитывая, что, согласно позиции того же самого А.-Ж. Греймаса, «...естественные языки занимают привилегированное положение в силу того, что они служат отправной точкой для преобразований и конечным пунктом для переводов» [Там же, с. 17], эту логику можно распространить и на остальные символические формы.

Структура феноменалистической реальности и ее связь с объективной реальностью

В традиционном понимании знака в качестве означаемого часто выступают вещи из внешней по отношению к субъекту реальности, но для феноменалистического подхода подобная позиция неприемлема, так как никакая часть подобной реальности не может быть познаваема, а потому «вещами» для феноменализма выступают элементы собственно сферы мыслимого, которые воспринимаются нами как части внешнего мира. В этом случае «вещи» феноменализма сами являются знаками, но знаками другого вида, так как их связь с обозначаемым подразумевает такое подобие, которое, разумеется, только мыслится нами, ибо о реальном

подобии знака и части реального мира мы судить не может. Иными словами, эти «вещи» являются тем, что Ч. Пирс называл «подобие» или «икона», а я предпочитаю называть «образ».

В этом случае греймасовское понимание языкового знака оказывается возможным распространить не только на все остальные символы, но и на все знаки вообще («указатели» или «индексы» Ч. Пирса в этом отношении второстепенны и играют вспомогательную роль). Знаки складываются в целостную двойственную «знаковую ткань», которая и представляет собой реальность с точки зрения феноменализма.

Взятая в полном объеме, эта «знаковая ткань» представляет собой картину мира отдельного субъекта, основа которой состоит из особого вида образов (Д. Юм называл их «впечатления» [15, с. 62-63]), спецификой которых как раз и является то, что они мыслятся как подобия объектов реального мира, но эта их мыслимость в таком качестве является принадлежностью их самих, а не отсылкой к этому внешнему миру. «Впечатления» и создают тот начальный слой картины мира, над которым могут надстраиваться множественные этажи благодаря способности человека использовать означающее одних знаков в качестве означаемого других. Наиболее ярко это проявляется, когда означающее образов-впечатлений выступает в качестве означаемого символов, что мыслится нами как непосредственное осмысление вещного мира, просто вещи здесь нужно понимать феноменалистически, а не материалистически.

Строго говоря, вещи собираются внутри нашей картины мира из элементарных ощущений, которые соединяются и разъединяются в соответствии с определенной логикой, которая наиболее полно была изложена в теоретических построениях гештальтпсихологов: М. Вертгеймера, К. Коффки и В. Келера. Важнейшим элементом этой логики является принцип фигуры и фона, в соответствии с которым в вещном «слое» картины мира происходит выделение комплексов элементарных ощущений (фигур), которое со временем закрепляется в практике и становится привычкой.

Хотя картина мира и не является отражением реального мира, тем не менее между ними существует связь. Ч. Пирс следующим образом определяет ее: «Действительность есть нечто грубое. В ней нет никакого смысла. К примеру, в попытке открыть дверь, вы толкаете ее плечом и ощущаете сопротивление невидимой, безмолвной и неизвестной силы. Мы обладаем как бы двусторонним сознанием воздействия и сопротивления, которое, мне кажется, дает достаточно точное представление о чистом чувстве действительности» [12, с. 8]. Картина мира человека должна обеспечить ему возможность преодолеть это сопротивление, таким образом, реальный мир проверяет картину мира на способность обеспечить субъекту достижение его целей. Д. Дьюки сформулировал это следующим образом: «...нет ни одного абсурднейшего понятия, не разделяемого хоть несколькими людьми; правда, среда все же вносит некий минимум корректив, не давая вымереть человеческому роду» [5, с. 28]. Иными словами, реальность отбирает субъекты с такой картиной мира, которые способны приспособиться к ней.

В результате реальный мир соотносится с картиной мира в целом, проверяя ее целостно, что не подразумевает поэлементного ей соответствия, мало того, существует очевидная возможность, что в каждом обстоятельстве может существовать множество разных картин мира, которые одинаково успешно позволяют их носителям приспособиться к реальности, откуда следует множественная интерпретация реальности субъектами.

Целостность картины мира и место в ней ценностей

По Э. Кассиреру, символические формы действуют целостно: «Единство формы, будучи единством связей, лежит в основе единства предмета» [8, с. 88]. Э. Гуссерль утверждает еще более определенно: «...природа существует, лишь конституируясь в упорядочиваемых взаимосвязях сознания» [4, с. 157]. Иными словами, речь идет о том, что некая предзаданная нашему опыту логика конструирует из наших элементарных ощущений актуальную для нас картину мира. Целостность символических форм вполне очевидна, если учитывать специфику символа как вида знака, его способность обретать смысл только в рамках целостной системы аналогичных символов, например языка. Но в индивидуальном сознании эти отдельные целостности частных символических форм накладываются друг на друга, формируя единую целостность сознания.

Гештальтпсихологи достаточно убедительно показали, каким образом эта целостность существует на уровне образов, то есть как из образов-впечатлений собирается основа той или иной картины мира. Элементарные ощущения группируются на основании пространственно-временной сопряженности (принципы схожести, близости, замкнутости, целостности, общей зоны и смежности), при этом они должны быть связаны наиболее простым образом. Р. Арнхейм пишет: «...любая стимулирующая модель воспринимается таким образом, что результирующая структура будет, насколько это позволяют данные условия, наиболее простой» [1, с. 65]. И уточняет, применительно к зрительным ощущениям, что для этого нужен «всего лишь самый минимум намеков, зрительных стимулов» [Там же, с. 54].

При этом, что существенно, Р. Арнхейм показывает, что целостность образной составляющей картины мира формируется не ее элементами, которые являются результатом действия механизмов этой целостности в частных условиях, целостность должна предшествовать элементам. Р. Арнхейм пишет: «...человеческое восприятие и предполагаемое подобие основаны не на частичной тождественности, а на соответствии характерных структурных особенностей» [Там же, с. 162], то есть восприятие целого заключается «в схватывании и постижении характерных особенностей структуры» [Там же, с. 159].

На уровне смыслов понять целостность картины мира поможет нам исследование семантических закономерностей А.-Ж. Греймаса, который утверждал, что смыслы слов также состоят из смысловых элементов, которые называются «семы». Разные семы имеют разное значение для целого, так, можно различить семное ядро, содержащее специфику именно этого слова, и те или иные контекстуальные семы, благодаря которым это слово приобретает конкретное, чаще всего четко определенное, значение именно в данном смысловом контексте. А.-Ж. Греймас утверждает: «Действительно, определения, которые мы только что дали семному ядру N_s и контекстуальной семе C_s , позволяют нам теперь рассматривать смысловой эффект в качестве семемы и определять его как сочетание N_s и C_s : семема $S_m = N_s + C_s$ » [3, с. 65]. При этом он замечает, что «если определенный контекстуальный оборот содержит два семных образования, то он заключает в себе лишь одну контекстуальную сему» [Там же, с. 75-76]. Иными словами, целостный смысл текста формируется совокупностью контекстуальных сем, которые, таким образом, тоже являются характерными чертами, только уже для символической составляющей картины мира.

Результатом является способность «знаковой ткани» (картины мира) к саморегулированию, заключающемуся в способности освоить и соответствующим образом структурировать любую поступающую в нее в виде элементарных ощущений информацию: «Целое, находящееся здесь перед нами, само указывает на внутреннее членение; это – артикулированное целое и только посредством этой артикуляции становится тем, что оно есть» [7, с. 428]. Причем это артикулированность особого рода, она несет в себе субъективность того, чьей картиной мира является: «...образ мира как одновременно физического и духовного космоса определяется оригинальностью видения, самобытностью духовной позиции» [Там же, с. 288-289]. Это и понятно, ибо в феноменалистическом подходе субъект не может существовать отдельно от мира: «Я есть мой мир... Не существует мыслящего, представляющего субъекта... Субъект не принадлежит миру, а представляет собой некую границу мира» [2, с. 56]; «Я» привносится в философию тем, что «мир есть мой мир» [Там же, с. 57].

Отчасти этот «мой мир» задается спецификой структуры картины мира, я уже ранее отмечал, что отказ от универсальности эйдетического приводит нас к тому, что любые символические формы в индивидуальном сознании обладают особостью, но еще в большей степени эта субъективность задается аффективным компонентом, наличие которого отмечали многие исследователи. Э. Гуссерль: «...я нахожу вещи снабженными как свойствами вещей, так и ценностными характеристиками – они прекрасны и безобразны, приятны и неприятны, милы и отвратительны... Такие ценностные и практические характеристики тоже конституитивно принадлежат “наличным объектам”» [4, с. 91-92]. Э. Кассирер: «...объективные восприятия и созерцания здесь невозможно строго отделить от субъективных чувств и аффектов... Классы имен изначально точно так же являются классами ценностей, как и классами вещей: в них запечатлено не только объективное качество предмета, но и чувственное, аффективное отношение к нему со стороны Я» [7, с. 281]. К. Коффка: «...примитивные феномены не разделяются на воспринимаемые (перцептивные) и чувствуемые (аффективные) элементы, что наряду с субъективным ощущением не возникает “объективное” восприятие, но примитивный мир несет в себе аффективные черты, которые мы здесь можем рассматривать как “объективные”» [11, с. 467].

На основании этого можно утверждать, что любой знак картины мира имеет два значения: перцептивное и аффективное, и знак, с его аффективным значением, мы можем назвать «ценность». В этом случае совокупность знаков с перцептивным значением условно, ибо эти значения нельзя отделить друг от друга на практике, можно назвать объектом, а совокупность ценностей – субъектом картины мира, соответственно, аксиологическим субъектом.

Формирование иерархии ценностей на основании различия их ролей в картине мира

Выделив в картине мира элементы и характерные черты, посредством которых дается единство той или иной целостности, мы приходим к очевидному выводу, что эти характерные черты тоже обладают аффективными значениями, а соответственно, являются ценностями.

Эти два вида ценностей играют разную роль в аксиологическом субъекте, что напрямую следует из того очевидного факта, что мы испытываем разные аффективные реакции от различных элементов картины мира (вещей или идей) в зависимости от ситуации, то есть аффективное значение ценностей, являющихся элементами картины мира, ситуативно. Но это означает, что данное значение определяется параметрами самой ситуации, которая, в свою очередь, задается характерными чертами, посредством которых элементарные ощущения упорядочиваются в целостную картину.

В результате посредством характерных черт, представляющих собой принципиальные механизмы организации собственного опыта, субъект не только конструирует все свои ситуации, но и приписывает им аффективные значения. Иными словами, ценности, являющиеся характерными чертами картины мира, задают значение ценностей, являющихся ее элементами, что позволяет их определить в качестве базовых ценностей субъекта.

Базовые ценности субъекта не ситуативны, они складываются на всем протяжении получения им жизненного опыта, причем наиболее значимым периодом является самый ранний этап получения этого самого опыта, закрепляясь в качестве фундированных практиками, в которые он первоначально был включен, привычек определенным образом группировать элементарные ощущения. Это, с одной стороны, позволяет нам объяснить сочетание устойчивости субъекта с изменчивостью его аффективных реакций, а с другой – позволяет

вплотную подойти к проблеме понимания культурных сообществ разного уровня как групп субъектов, имеющих сходные базовые ценности.

Иерархичность ценностей в этом случае означает иерархичность самого субъекта, в котором, таким образом, могут быть выделены устойчивый слой, на котором зиждется его идентичность, и переменчивый слой, который обеспечивает его способность приспосабливаться к меняющемуся миру.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, феноменалистическая онтология, в рамках которой мы отказываемся от тезиса об универсальности эйдетического, приводит нас к представлению о том, что единственной познаваемой для нас реальностью является наша собственная картина мира, представляющая собой «знаковую ткань», которую составляют знаки разных видов. Причем в этой «ткани» логики разных знаковых систем накладываются друг на друга, формируя нечто цельное, так как большое число знаков принадлежат к разным знаковым системам одновременно.

Во-вторых, так как «вещи» в картине мира – это не материальные объекты, а знаковые конструкты, их подобие объектам реального мира, позволяющее нам понимать их как образы, является условностью. Из таких образов-впечатлений состоит подменяющий для нас реальность начальный слой картины мира, элементы которого являются первичными означаемыми для последующих уровней картины мира, преимущественно образуемой символами.

В-третьих, значение отдельных элементов знаковых систем задается целостностями этих систем, которые даны нам (существуют) благодаря характерным чертам этих целостностей.

В-четвертых, из-за наличия у знаков картины мира перцептивного и аффективного значения в ней можно выделить две изоморфные системы – субъект и объект, – формируемые знаками карты мира, взятыми только с аффективным или только с перцептивным значением соответственно.

В-пятых, так как характерные черты картины мира тоже обладают аффективными значениями, мы имеем дело, по крайней мере, с двумя разными типами ценностей, причем ценности, являющиеся характерными чертами картины мира, задают значения ценностей, являющихся ее элементами, выступая, таким образом, в качестве базовых для данной картины мира.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим, с одной стороны, в дальнейшей детализации феноменалистического истолкования места ценностей в структуре реальности, а с другой стороны, в применении основных выводов этого подхода к анализу онтологических оснований культурного многообразия, существующего в мире.

Список источников

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1-73.
3. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический Проект, 2004. 368 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
5. Дьюи Д. Реконструкция в философии // Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. С. 3-132.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Кассирер Э. Сущность и действие символического понятия // Кассирер Э. Избранное: индивид и космос. М. - СПб.: Университетская книга, 2000. С. 271-434.
8. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. М.: Академический Проект, 2011. Т. I. Язык. 271 с.
9. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. М.: Академический проект, 2011. Т. II. Мифологическое мышление. 279 с.
10. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. М.: Академический Проект, 2011. Т. III. Феноменология познания. 398 с.
11. Коффка К. Основы психического развития // Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. Коффка К. Основы психического развития. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 348-657.
12. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.
13. Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2009. № 3 (7). С. 88-95.
14. Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. М.: РОССПЭН, 2006. С. 264-310.
15. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм Д. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 52-655.

Информация об авторах | Author information**RU****Павловский Алексей Игоревич¹**, к. филос. н., доц.
¹ Тюменский государственный университет**EN****Pavlovskij Aleksej Igorevich¹**, PhD
¹ Tyumen State University¹ a.i.pavlovskij@utmn.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 24.02.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): аксиологический субъект; знак; картина мира; феноменализм; ценности; axiological subject; sign; worldview; phenomenalism; values.